

* В которой
меня, очевидно,
не любят

Глава 2 *

- Эй, — возмущенно говорит Рид.
- Вы что, — возмущенно говорит Рид.
- Это вместо объятий? — возмущенно говорит Рид.

Салим демонстративно снимает свою «Беретту» с предохранителя. По «Беретте» в каждой руке.

— Гони в объезд по Седьмой, — бросает он Нирмане, хмуря темные брови. Та даже не оборачивается на Рида, и у последнего теперь зияющая рана — в сердце, дыра — в душе и скоро будет дырка в бедренной кости, если Зандли не уберет пистолетное дуло от его бока.

Рид решает, что пристально смотреть сейчас Салиму в глаза — все равно что подписаться на самоубийство, так что он переводит взгляд влево и экстренно пытается сменить тему.

— Кстати, что это вообще такое? — тычет он пальцем в долгового с подозрительным именем и неестественно длинными конечностями. Тому приходится подобрать под себя колени, чтобы не проломить бардачок, но и он — вы только подумайте! — тоже наставил на него пистолет. — И почему оно в меня целится?

— О, это Шестакофф Андрей, — дружелюбно знакомит их Боргес — единственный в этой тачке, кто не тычет в Рида оружием. — А-н-д-р-е-й. Которого ты так настойчиво игнорил. Он новенький певчий мальчик, — Рида передергивает от воспоминаний об этой должности, — в Церкви. Блин, прикинь, за метр девяносто ростом!

— Здравствуйте, — вежливо здоровается Андрей. Сутана на нем насыщенно-черная, не выцветшая — даром что не похрустывает, когда тот двигается. — И... я просто повторяю за паком Салимом?

— А если пак Салим с крыши прыгнет, ты тоже прыгнешь? — скептично фыркает Рид. Подумать только, да если бы все повторяли за Салимом, он, Рид, не дожил бы и до двадцати. — Получше образец для подражания не мог себе найти?

И тут же замолкает, потому что обычно, когда Салим опускает брови к переносице ниже еще на полтора миллиметра, где-то поблизости на следующее утро находят труп. Рид отчаянно не хочет оказаться тем парнем, который «был обнаружен бегуном в парке сегодня в семь сорок утра, и к другим новостям», так что замолкает. Надолго его — естественно — не хватает:

— Ребята, ну нормально же ехали. Мне обидно.

— Нам тоже было обидно, — бросает Нирмана из-за руля, — когда ты дал деру с частью бабла за партию в Коямпуттур.

— До слез, — мрачно подтверждает Салим. На его смуглом круглом лице — ни слезинки, поэтому это наглая, наглая ложь, но Рид решает оставить обвинения при себе.

— Пак Рид украл вырубку со сделки? — сует свой длинный нос с переднего сиденья этот новый певчий Андрей, робко выставя свой пистолет из-за подголовника.

Это было бы даже мило, если бы Рид был из тех, кто любит, когда на него наставляют что-то длинное, узкое и неорганическое.

— Пак Рид нагрел нас на вырубку со сделки, — уточняет Нирмана и делает крутой вираж, заставляя всех в машине схватиться за сиденья. — Своих же кинул.

— Потише, ты не в ГТА! — гаркает Салим. — А ты, Андрей, убери пушку и сиди тихо, понял?

— Но, пак Са...

— Андрей!

Рид оглядывается: шутки шутками, но пистолеты они, кажется, убирать не собираются.

— А что насчет милосердия и всепрощения? — спрашивает он. — А если я чек выпишу? — снова, чуть настойчивее.

Потом сдается:

— Ладно, ладно. Ну и что мне надо сделать, чтобы старик епископ меня не прикончил?

Как будто проблема только в старом хрыче. Да тут половина Джакарты спит и видит, как бы подпортить Риду лицо.

— Об этом нужно было думать раньше, — отрезает Салим.

Фу, какой ты скучный. Да кто вообще думает о последствиях?

Пытаясь абстрагироваться от безрадостных перспектив, Рид ерзает на сиденье и наконец придумывает, как грамотно сменить тему. Тем более этот вопрос реально, *реально* не дает ему покоя уже почти час.

— Не то чтобы я против, я одобрю любое ваше решение и приму вас любыми, но, кстати, — он обводит их взглядом отца, не вовремя зашедшего в комнату к дочери, — почему вы все вместе?

Под «вы» Рид подразумевает Боргеса и Зандли — отдельно и своих бывших коллег в черных сутанах во главе с невыносимым Салимом — отдельно. Боргес и Ко были частыми гостями в Юго-Восточной Азии, но не настолько частыми, чтобы за те полтора месяца, что Рид и Боргес не были в контакте, успеть стать прихожанами Церкви Святого Ласкано. Тем не менее спасти Рида Боргес примчался под ручку с Салимом — и теперь Рид наконец намеревается узнать почему.

Салим цыкает: видимо, то, что Рид и небеса благословляют союз Церкви с командой Боргеса, не значит, что его благословляет сам Салим.

А потом после паузы неохотно тянет:

— Ты вообще не слышал, что происходит в городе?

— Чувак. Чувак!

Лицо Салима требует прекратить называть его чуваком, пока он держит Рида на прицеле.

— Меня не было здесь три года и не было бы еще дольше, если бы уроды из «Вольто» не отрезали мне пути к отступлению, а brave пилоты Фрэнк и Майкл не предали нашу дружбу. Откуда я могу знать, какой хренью вы тут страдаете на этот раз?

— «Вольто»? — переспрашивает Зандли, приоткрывая один глаз. Дуло ее ружья все еще смотрит прямо на Рида и приносит

ощутимый дискомфорт. — Ты что, натравил на себя ребят из «Сенца Вольто»?.. О!

И в этом «о» сконцентрирован весь оскорбительный подтекст, доступный человеческой цивилизации со времен мезозоя.

Рид бы ей ответил, но немногое удастся сказать стерве, которая держит огромную пушку на уровне твоих гениталий, так что он переключается на Боргеса, который как раз спрашивает:

— Погоди, амиго, а что за «Вольто»?

Вполоборота глядя на профиль единственного в этой машине (а возможно, и во всей криминальной Джакарте) человека, который не хочет его пристрелить, Рид произносит всего одно слово:

— Руссо.

И лицо Боргеса озаряется пониманием. А затем в обсуждение врывается всем знакомая (не)приглашенная звезда:

— Ты тупой? — спрашивает Салим. — Как ты вообще умудрился натравить на себя *Руссо*?

— Давайте поговорим об этом в исповедальне, святой отец, — отшучивается он.

Потому что это длинная история, включающая в себя плохо komponующиеся для неподготовленного слушателя элементы: Чили, Пунта-Аренас, пятизвездочный отель, снотворное в стакане с виски, искусственный глаз, грубо сколоченный ящик с оружием, ушные палочки, двух горячих мексиканок, одного горячего мексиканца и рукоприкладный диспут на фоне пролива Дрейка. Ну и понеслась.

Рид быстро возвращается к предыдущей теме:

— Так что у вас здесь за праздник дружбы и толерантности? В прошлый раз, когда мы виделись все вместе, Зандли пообещала прострелить тебе голову. А теперь, гляньте-ка, сидите в одной машине, ближе, чем на расстоянии судебного запрета...

— Ха-ха-ха, очень смешно, — игриво говорит Зандли, зубами открывая чупа-чупс и сплевывая ошметки упаковки на пол. — Смешнее будет, только когда я отстрелю тебе член.

Рид не уверен, что это будет смешно. Это даже не будет забавно. Это будет намного ниже среднего. Конечно, она не выстрелит — это

ясно как дважды два, но ему все равно немножко, самую малость неуютно, когда пистолет тычется ему в место, которым он, по расхожему мнению, думает.

— Давай не будем впадать в крайности... — просит Рид. Чтоб он еще когда-нибудь вообще сел рядом с ней! — Лучше вы опустите свои стволы, и мы обсудим, почему вы тут все такие злые.

— По-моему, это очевидно. — Салим очерчивает дулом дугу в направлении Рида, явно подразумевая что-то нелицеприятное.

— Да нет, — Рид не хочет возвращаться к теме любимого себя, потому что это чревато. — Вы с какого-то хрена работаете вместе. У вас что...

— Слышал про Гринберга? — перебивает его Боргес с затаенным восторгом.

И на самом деле это очень, очень внезапный вопрос.

Рид перебирает в голове всех Гринбергов, которые ему знакомы, — таких оказывается немного. Маленького Гринберга из Техаса Боргес знать не знает, а Гринберга из Толедо, спустя секунду вспоминает Рид, на самом деле зовут не Гринберг, а Гольдберг. Значит, остается...

— Про Карла Гринберга? — уточняет он. — Илона Маска от фальшивомонетничества?

Если что-то и можно было сказать про Карла Гринберга, так это то, что слава шла впереди него. Рассказы о мастере над монетой сновали по криминальному миру не первое десятилетие; Рид, кажется, сам услышал о нем впервые лет в шестнадцать, еще когда батрачил курьером на мелкую шушеру из Селатана. Страничка в «Википедии» вполне может служить индикатором популярности, искренне считает Рид. Особенно если статья про тебя начинается со слова «гений».

Так что, с одной стороны, мало кто это имя не слышал, а с другой — судя по лицам в салоне, кажется, в этом имени и кроется причина, почему конкретно эти лица собрались конкретно в этом салоне. Рид шуруется на них:

— И какое отношение селебрити криминальной тусовки имеет к *вам*? Бо, не к тебе.

Проблема только в том, что о Гринберге ничего не было слышно уже лет... Десять? Пятнадцать? Много, в общем, лет. «Таинственно исчезнувший» и все такое. Слухов ходило много: были подозрения, что он осел под чужим именем в какой-то из стран третьего мира или его таки сцапал Интерпол. Хотя было бы здорово, если бы он всплыл. Только желательно не в Чиливунге спиной кверху. Рид, конечно, печатанием денег не занимался, но автограф бы взял с удовольствием.

— Ну, он был в городе, — неохотно говорит Салим, наконец убирая пистолет, за что Рид ему очень благодарен.

— Был? — с его лица даже исчезает выражение «я все знаю». — Гринберг? Так ты серьезно? Ну и когда встреча с фанатами? Дресскод повседневный или нужно сказать Нирмане, чтобы завернула за смокингом?

— «Был» — глагол в прошедшем времени, Рид, — обрывает полет его мечты Нирмана. — И пошел на хер, я тебе не таксистка.

— Милая, я со всем уважением, — врет Рид в ее сторону. — Зандли, убери пушку, пристрелишь меня, когда выйдем из машины. Так что с Гринбергом? Расскажите, хоча все знать!

Много позже Рид пожалеет, что не сказал в этот момент что-нибудь вроде «Ничего мне не рассказывайте» или «Остановите машину, я выйду тут». Но пока он думает о том, что все не так плохо, как могло бы быть. Ему всего лишь надо пережить эту поездку — легкотня, разговор с монсеньором — терпимо, а затем смотаться из этого города прежде, чем его начнут узнавать на улицах. План кажется ему осуществимым, только руку протяни: наври там, наври здесь, купи место на лодке до Южной Суматры, пересядь на тачку, брось тачку, купи билет на самолет, помаши Индонезии ладошкой, скажи гудбай — и поэтому Рид проявляет благосклонный интерес. Поэтому — а еще потому, что любопытство однажды доведет его до эшафота.

— Что ему здесь было надо? — с жаром интересуется он. — Чего это именно Джакарта внезапно, после стольких лет радиомолчания?

Типы вроде Гринберга предпочитали другую половину земного шара: Нью-Йорк, Лондон, Мадрид, Берлин. Это была их

вотчина — финансовые махинации проходили не в загаженных подвалах на улицах с невыговариваемыми названиями, а в красивых конспиративных квартирах в переулках Бронкса или Челси. Джакарта — ну, Джакарта для таких, как Рид, Боргес или Салим. Тех, кто отстреливается от полиции, а не прячется от нее.

— Он объявился месяц назад. — Салим откидывается на сиденье и сумрачно рассматривает проносящийся мимо грязный городской пейзаж. — Наворотил дел, а теперь снова пропал. Весь город уже неделю его ищет. Мы с твоими друзьями столкнулись, — он смотрит на Боргеса и Зандли, а потом утомленно вздыхает, — пока... проверяли кое-какие концы по Гринбергу.

Если вранье было стихией Рида, то Салиму оно не давалось совершенно: каждое абстрактное «наворотил дел» и «кое-какие концы» он выдавал с таким видом, будто у него кость поперек горла встала и не выкашливается. Рид почти чувствует ностальгию — ему всегда нравилось заставлять Салима выкручиваться, — но этой ностальгии недостаточно, чтобы он решил задержаться еще на денек. Будет скучать по Салиму издалека, так они лучше ладят.

— Звучит уныло, — говорит Рид, — а на самом деле что?

— Падре сказал правду, — насмешливо говорит Зандли, опираясь локтем на дверцу машины и прокручивая пистолет на пальце. Рид очень надеется, что тот на предохранителе и Нирмана не припаркует у церкви тачку, полную жмуриков. — Просто опустил... детали.

— Некоторые, — неожиданно грустно подтверждает Боргес.

— Да блять, — Нирмана сигналит, затем высовывается из окна и заявляет кому-то: — Еще раз так сделаешь — тебя больше не найдут. — И дальше, без паузы: — Да скажите вы ему уже как есть. Гринберг запустил на рынок машинку по распечатке бабла, которое невозможно отследить.

Чего?

— Она имеет в виду набор идеальных долларовых клише, — поправляет ее Салим. — А еще она прекращает угрожать малолеткам! Это был тинейджер на скейте, Нирмана!

Чего?

это МАШИНА

В НЕЙ Я

← А ХОТЕЛ БЫ БЫТЬ НА ГАБАНИЯХ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

— Я всего лишь предупредила его, что кататься посреди дороги — опасно.

— И теперь он останется заикой.

— Его проблемы.

— Говорят, что почтенный мэтр, — сообщает Зандли, пользуясь моментом, — создал долларовые клише, которые не смогут отличить от оригинала даже в Монетном дворе дяди Сэма. Супер-пупер-технология. — По ее тону Рид не может определить, верит ли она сама в то, что говорит. Зандли, когда хотела, могла иронию спрятать в иронию и завернуть в иронию. — Ходят слухи, что ее опробовали то ли в Сингапуре, то ли в Гонконге, и теперь все на островах как с ума посходили. Мы приехали, а вся Ява гудит, как будто в муравейник нассали.

Рид скептически морщится. Серьезно? Что за сказки для маленьких начинающих преступников 3+? Идеальные долларовые клише? Даже такой гений, как Гринберг, не мог построить у себя в подвале Форт-Нокс. Нормальные долларовые клише — пожалуйста. «Ну, вот тут косячок, но в целом пойдет» долларовые клише — тоже запросто. Но не идеальные. Иначе здесь уже всю сновали бы...

— А доллары-то американские?

— Да.

...Сновали бы американцы. Но ни одной американской рожи среди мопедов он пока не приметил. И тем не менее Рид все еще не улавливает.

— Так, хорошо. Из ниоткуда появляется звезда фальшиво-монетчиков, запускает на подпольный рынок идеальные, — Рид показывает пальцами кавычки, — оттиски для печати бабла и пропадает. А сами-то сакральные таблички где? Кто теперь счастливчик?

— Кто бы это ни был, счастливчиком он будет недолго, — злобно фыркает Салим.

Рид вздыхает. Кажется, пока его не было, главным национальным развлечением этой страны стала игра в шарады. Сначала ему кажется, что Салим имеет в виду «счастливчиком он будет до тех пор, пока не встретится с моей “Береттой”», но потом видит: Салим

поджимает губы, тарабани пальцем по ручке стеклоподъемника. Злобы в нем все еще много, но вот нервяка явно побольше.

Три года назад Салим был тем, кем пугают, а не тем, кто пугается. И вот на тебе. Кто же тут замешан? В Джакарте есть только одна настолько крупная рыба, что ее бояться и белая акула, и батя из «В поисках Немо». Рид очень надеется, что он ошибается.

— Дай угадаю, — хмыкает он, — на идеальные оттиски наложено идеальное проклятие?

— Ага, — отвечает Нирмана с водительского сиденья, — проклятие простреленной грудины. Фирменное, мать его, заклинание колдунов Картеля.

Картель. Ну конечно.

В идеале Риду вообще не хотелось бы слышать это название все то время, пока он будет находиться в Джакарте, но вот он, посмотрите, сидит, окончательно забравшись с ногами на сиденье, и, черт побери, спрашивает:

— Старик Басир до сих пор жив, что ли? О, эти скорбные лица. Вас понял.

Когда Рид сваливал из Джакарты, из Ольбериха Басира, главы Картеля, уже песок сыпался. У Рида были все основания надеяться, что спустя три года о главном уроде Джакарты напоминать будет только эпитафия.

Главном самом богатом уроде Джакарты.

Главном самом опасном богатом уроде Джакарты.

Возглавляющем самую опасную богатую группировку.

Картель, твою мать, Вос-хо-да.

— А что остальные? Хоть кто-то помер? Ну пожалуйста. Что насчет Деванторы? Или Камиллы?

— Камиллу посадили в Китае в прошлом году, праздновали всей Церковью, — абсолютно непринужденно сообщает Нирмана. — А вот Девантора живее всех живых.

Такие люди, как Камилла — пока, родная, сколько лет дали, кстати? — и Девантора, делали Картелю имя, но на них Картель не заканчивался. Картель был монструозной преступной опухолью на теле Малайского архипелага. Джакарту разрушали на его деньги,

ВОТ ГДЕ-ТО НА ЭТОМ МОМЕНТЕ
МНЕ НАДО БЫЛО СВЯЗАТЬ ИХ НАИМЫ

ИЛИ
ВОТ НА
ЭТОМ МОМЕНТЕ
ОПРЕДЕЛЕННО
НА ЭТОМ.

Джакарту отстраивали на его деньги. Наркотики, оружие, проституция, миллионные обороты — все это делало Картелю имя, и этим именем пугали маленьких и взрослых. Трясся даже Салим, хотя умело это скрывал.

Рид оборачивается, исподтишка разглядывая его профиль — сплошь напряженный зигзаг.

— Басир живой, Девантора тоже, никакого праздника на моей улице, — ворчит Рид себе под нос, вытирая пот со лба. Рубашка, в которой он сошел с самолета, сверху напялив бронезилет, вся мокрая. — Блин, народ, давайте закроем окна и включим кондиционер.

Может быть, он вспотел от стресса (одно упоминание Картеля Восхода могло заставить воду из организма попытаться испариться и сбежать из Джакарты, используя гидрологический цикл), но вслух он произносить этого не стал.

— Классная идея, но он здесь не работает, — говорит Нирмана. — Я это выяснила, пока в тебя целились.

Оказывается, в мире происходит столько интересных открытий, пока в Рида целятся! Учитывая, что на уговоры не стрелять он тратит треть своего времени лет с пятнадцати, вся жизнь проходит мимо.

— Самая жалкая тачка в мире, — повторяет за старшими Рид и свистит, привлекая внимание. — Эй, певчий мальчик, открой окно пошире, до меня не долетает. Так вот, продолжаем. — Он разворачивается обратно с самым деловым видом.

Про себя он уже успевает добраться до Куала-Лумпура и затеряться среди малайзийцев — только теперь это намерение обретает весомую мотивацию и вектор. Он не собирается оставаться здесь дольше, чем потребует, чтобы раздобыть фальшивые документы, спасибо.

— Значит, старик Басир тоже хочет печатать деньги. Невинное хобби на старости лет, почему бы и нет. Как же так получилось, что оттиски еще не у него?

— Тебе, может, еще презентацию с диаграммами провести? — заводится Салим. — Тащи, блять, проектор.

— Эй, дружище. Ты бесишься. А ты не бесись, — предлагает Рид, а потом отворачивается от Салима и кладет подбородок на спинку водительского сиденья, чтобы поговорить с тем, кто не такой эмоциональный. — Так вот.

В салонном зеркале видно, как Нирмана закатывает глаза.

— Если ты думаешь, что я хочу об этом всем говорить, то за три года ты вконец отупел.

— Да что ж вас так всех травмировало-то? — не унимается Рид. — Вы ведь не полезли в эту заварушку с оттисками, да?..

→ *еще никогда я так не ошибался*
Не полезли же?

— Это тебе расскажет его преосвященство, — бросает Салим с ощутимым садизмом.

Рид строит ему перепуганные глаза: «О нет, только не его преосвященство», а сам думает, как бы сделать так, чтобы до встречи с бывшим начальством вообще не доводить.

— Ты мне что, не доверяешь?

— Если ты сейчас оскорбишься, это будет цирк, — задумчиво улыбается Зандли, поправляя пистолетом очки на голове — истощно-розовые, в форме сердечек.

Салим выуживает из кармана сутаны мятую пачку сигарет и опускает свое окно.

— Это разговор не на пять минут. Сейчас тебе нужно знать только то, что вся Джакарта, — доставая зубами сигарету, комментирует он, — охотится за оттисками чертова легендарного фальшивомонетчика, которые тот пустил по рукам, как гребаную часовую бомбу.

— Все равно эти ваши скрижали Завета закончат на шикарном ковре у ног Басира, — пожимает плечами Рид, — здесь даже париться нечего.

Салим сощуривается, глядя на него:

— Проблема в том, Эйдан, что мы паримся. Потому что оттиски должны закончить не на басировском ковре, а на нашем.

Рид замирает. Салим это серьезно? Они что... Они решили потягаться с *Картелем*? *Они в своем уме? Выпустите его из машины!*

— Да, в этом участвуем мы. В этом участвует Картель, — говорит Салим. — Но тем, что мы сейчас обсудили только Картель,

мы оскорбили еще десяток не менее опасных мудаков, которые тоже в этом участвуют.

И ухмыляется, наслаждаясь оторопью Рида:

— Добро пожаловать домой.

А можно не надо?

Как порядочный безбожник Рид оценивает храмы по художественной ценности постеров со святыми, защищенности ящика с подающими и удобству лавочек. Так что ничего удивительного в том, что католическая церковь на берегу мусорной реки Чиливунг, с унылыми стенами и отвратительными скамейками, получает твердую троечку и плевков на порог.

(Если Рид плюнет за порогом этого пристанища веры, то его преосвященство потом плюнет в его кремированные останки.)

По приезде оказывается, что напряг ребят в тачке не идет ни в какое сравнение с напрягом ребят в Церкви. У ворот на территорию — форпост из двух машин, главное здание оцеплено по периметру мрачными служителями, а общая атмосфера давит на нервы. В нефе в два раза больше народу, чем бывает тут одновременно, — значит, епископ отозвал людей с островов и собрал их в штабе.

Они с Боргесом и Зандли мозолят задницы на отвратительных скамейках уже двадцать минут — под орлиным взглядом двух специально выделенных на них церковных прислужников с калашниковыми у бедра. Ни одно из типично яванских лиц Рид не узнает, на попытки подружиться яванские лица не реагируют, на просьбы принести водички не отзываются — по части обслуживания Церковь Святого Ласкано традиционно лажает. Рид не думает, что Салим всерьез рассчитывает, что охрана сможет остановить их, если они решат прогуляться из церкви вон, но, видимо, надеется, что им будет стыдно бедокурить.

Или считает, что их остановят еще двадцать вооруженных до зубов головорезов в сутанах.

То, что Церковь перешла на военное положение, — плохой знак, а Рид всю жизнь старался избегать фиговых предзнаменований. Его желание свалить из города становилось все сильнее и чесалось где-то в области инстинкта самосохранения.

Что бы тут ни происходило, он не хотел в этом участвовать.

— Так что произошло-то? — спрашивает Рид, не поворачивая к Боргесу голову и наблюдая, как пара мрачных послушников тихо переговаривается у витражей, выходящих на южную сторону. — Эта движуха как-то связана с тем, что вы с Церковью теперь подружки? Только не говори, что тоже решил заняться печатным делом.

Начинает Боргес, как обычно, издалека:

— Помнишь, я тебе говорил, что мы должны передать непонятно что в стремном чемодане? — он неопределенно почесывает бритый затылок.

Под «мы» он подразумевает свою маленькую, но мультифункциональную команду наемников. Храброе трио, вооруженное резвым интеллектом (Серхио Лопес, тридцать три года) и недюжинной силой (Диего Боргес, тридцать четыре, и Зандли Таснем, уже лет десять чуть-чуть за двадцать).

Рид копается в памяти, и та выдает: *«Бро, бро, мы щас, короче, едем в Сегеран отдавать какой-то груз и забирать за него два лимона. Кому-нибудь передать приветы в Джакарте?.. Ой, ладно, не бесись».*

И еще вот это: *«Чувак, этот чемодан тако-о-ой стра-а-анный, тут и электронный замок, и обычный, и пароль, и вообще, а как ты думаешь, что внутри? Щепка от лодки Ноя? Расческа Элвиса Пресли? Эта штука, чашка Грааль, во! Или...»*

— А-а-а, золото скифов? — со знанием дела кивает Рид. — Помню.

— Или хрустальный дилдо, — поправляет его Боргес. — Мы ж так и не решили. Короче, мы провернули сделку, забрали оплату в драгоценных камнях, должны были ехать на следующий день, а потом...

— А потом нас обокрали, — заканчивает за него Зандли, вновь блеснув способностью рубить правду-матку.

Рид так и замирает, занеся руку, чтобы почесать нос, а потом переводит взгляд то на Боргеса, грозно поджавшего губы, то на Зандли, которая безмятежно прицеливается и швыряет палочку от чупа-чупса в одного из «охранников».

— Кто посмел? — искренне удивляется Рид.

Охренеть. Кто вообще этот бессмертный, кому в голову вообще пришла мысль ограбить Диего Боргеса? Диего Боргеса, который объявлен в розыск — простите, на минуточку — правительствами пятидесяти восьми стран?

— Да вот эти самые, — Боргес вздыхает натужно. — Картель Восхода.

Почему. Почему стоило Риду приехать в Джакарту, как это проклятое название тут же посягает на его зону комфорта со всех сторон?

С другой стороны, Боргес — не Рид и перед Картелем имеет право не испытывать такого же пиетета. Басировские громилы вообще предпочитали не ввязываться в конфликты с его шайкой: может быть, и вышли бы победителями, но какой ценой.

— Бо, как ты вообще умудрился дать Картелю себя обокрасть? — недоумевает Рид. — С каких это пор они обворовывают проезжающих мимо фрилансеров? Или вы что, перешли им дорожку?

— Ничего мы не переходили, — Боргес недовольно скрещивает руки и устремляет тоскливый взгляд в окно. — Это даже были не эти ваши... Камиллы с Деванторами.

— По описанию никто вообще не понимает, кто именно это был, — кивает Зандли, пальцем подтягивая по переносице свои очки-сердечки. Вкупе с ее ярко-рыжими дредами, короткими джинсовыми шортами и бронежилетом поверх майки видок получается экстравагантный, но Зандли именно это и к лицу. — Видимо, кто-то просто захотел выслужиться.

Рид качает головой:

— Нет, я понимаю, если бы это был Девантора — он бешеный, мне с ним вообще страшно одним воздухом дышать. Но просрать хрен пойми кому? Ты? Ты! Диего Боргес! Человек-скала, человек-кремень, человек-я-проредил-венесуэльскую-национальную-гвардию-на-две-трети?!

— Отстань, — Боргес обиженно отворачивается в другую сторону, демонстрируя сотню раз переломанный профиль, и грустно бормочет: — Мы не были готовы.

— Ладно, ладно, окей, вы не были готовы, они вас подловили, — мирно машет руками Рид. Если Боргес сейчас раскиснет, ему же, Риду, будет хуже всех. — А эти что? — кивок в сторону церковников. — Вовремя вас утешили?

— Как ты прикольно отрешиваешься от коллег по цеху, — хмыкает Зандли. — Как будто три года назад сам не расхаживал в колоратке.

Рид ее игнорирует: не помнит — значит, не было. Вместо воспоминаний о днях своих неудачных фешен-решений он пихает Боргеса коленом:

— Ну и? У вас стащили товар, а дальше-то что?

— Ну, мы отправились бычить на Картель. Поколотили их шестерок, те говорят: разбирайтесь с Деванторой, он должен быть у Чопинга...

— Чопинг? Это тот крашенный попугай в ботинках из крокодиловой кожи?

— Ага, тот самый Чопинг, — ослабившись, кивает Боргес, — в той самой крокодиловой коже.

Прошло три года, а этот неудачник все еще носит свои безвкусные ботинки, какой кошмар. Рид даже хмыкает: вот он бы такое никогда-а-а-а... Стоп.

— А чего это Деванторе понадобилось от Чопинга? Он же мелкий перекупщик.

Девантора, басировский любимчик, руководил людьми Картеля на улицах, но Чопинг все равно был далек от Картеля так же, как хотел бы быть далек прямо сейчас Рид. Стезя Чопинга — дурно одеваться и обманывать богатеньких белых туристов. Иногда он угонял тачки, иногда ввязывался в какие-то неудачные аферы, но все это было настолько мелко, что не стоило внимания Картеля.

Этот вопрос заставляет Боргеса лыбиться еще сильнее.

— Так Чопинг, говорят, ухватил главный приз. — И от широкой улыбки шрамы на его лице растягиваются мелкой светлой

паутиной. — Ну. Ты понял. Вытянул большую рыбу. Отхватил лакомый кусок.

— Наложил лапу?

— Хапнул пожирнее.

— Урвал горячее.

— Оттяпал...

— Вы задолбали, — обрывает их единение душ Зандли, а затем широко зеваает. — Вот почему я терпеть не могу, когда вы воссоединяетесь. Кретины...

Боргес и Рид смеются — и этот смех хорошо разряжает скопившееся напряжение, даже сама Зандли улыбается.

Но Рид с Боргесом друг друга поняли. Вот то есть как! Чопинг успел первым купить у Гринберга таблички, на которые все тут молятся.

— Вопрос только — откуда он надыбал деньги на все это счастье? Какая вообще чернорыночная цена?

— Пятнадцать лимонов плюс. В евро.

Рид присвистывает.

— На сбыте угнанных авто столько не наваришь. Где он, черт побери, нашел такие деньги?

— А хер его знает. — Боргес пожимает плечами. — Мне нужен был только адрес. Я к нему ввалился, чтобы найти там Девантору, а нашел еще Салима: стоят, целятся друг в друга, а Чопинг лежит между ними, приложенный о батарею, крокодиловыми ботами кверху. Чума, короче, картина чисто Пикассо.

— Конвульсия и истерия в кубизме?

— Точняк. — Боргес одобритительно кивает. — Ну, к моему приходу они, видимо, уже что-то порешали между собой, потому что Девантора отбрехался мне, что понятия не имеет, о чем я говорю, вызвал свою бригаду картелевских инквизиторов и свалил. Я такой типа: а ну! куда! Но тут ты звонишь. Тайминг — во!

Воспоминания о рассерженном голосе Боргеса складывают пазлы в единую картинку. Но Риду кое-что все еще непонятно.

— А Салима с собой зачем взял?

— Так я не брал, — удивляется Боргес, — он сам увязался.

Рид удивиться уже не успевает: в поле зрения появляется Нирмана в сопровождении еще одного вооруженного служителя. Костюм монашки она так и не сменила, но стащила с головы апостольник, обнажив бритый череп, пирсингованные уши и новую татуировку на шее.

↑
ТАМ ЧТО-ТО
БОТ ТАКОЕ
И ЕЩЕ
ЧЕРЕП

— Подъем, — говорит она, но затем останавливает Рида, который собирался с облегчением подняться на ноги: — Не-а, не ты. Ты сидишь и ждешь его преосвященство. Вы двое, — она кивает Боргесу и Зандли, — пошли. Салим хочет с вами поговорить.

— А как же я? — со звенящей в голосе обидой спрашивает Рид. — Моя задница уже по форме повторяет каждую трещину в этих деревяшках. В вас совсем нет жалости, сестра? Возьмите меня тоже!

— Бог тебя возьмет, — со вздохом отвечает Нирмана, — и очень скоро, если Салим услышит твое нытье.

— То, что вы тут все на взводе, не означает, что страдать должен я!

— Страдания очищают душу. А теперь сядь и сиди, Рид, за тобой придут.

— Хотя бы нянек забери!

Не оборачиваясь, она показывает ему средний палец.

— И следующую закупку в интерьер оформляйте в «Икее»! — кричит он ей вслед, а затем поворачивается к уставившемуся на него послушнику. — Ну чего? Я хорошо себя веду, можешь выдать мне полдник пораньше. — Рид валится обратно на скамью. — Прикольнo они придумали. И сколько мне тут еще торчать?..

Торчать приходится долго.

В ожидании епископа (который, видимо, решает изморить его, прежде чем пытаться) Рид успевает отрубиться, а когда просыпается — желтый дневной свет, заливавший церковь сквозь цветные витражи, сменяется на кроваво-красный. Рида кто-то пихает ногой.

— Давай вставай, до службы осталось двадцать минут. — Салим высится над ним в ореоле света из узкого витражного окна, а потом бездушно (и сильно, с-сука) пинает по свесившейся ноге.

Он слишком жесток для того, кто носит сан священнослужителя, зато эталонно бездушен для головореза.

— Который час? — сипит Рид. Голос, правда, больше подходит для вопроса «какой сейчас год?». Ужасно хочется пить, и он кладет ладонь на кадык, пытаясь смочить горло слюной, после чего кривится.

— Самое время поднимать свой зад, — кивает раб божий, рукой хлопая Рида по колену, чтобы скинуть его ногу. — Куда грязные ботинки ставишь, здесь же люди сидят.

Вообще-то ребята из «Вольто» готовы песок целовать в местах, где он этими ботинками ходил. Рид со стоном поднимает себя в сидячее положение. Салим смотрит на него с непередаваемым злорадством.

Вообще-то, чтоб вы знали, это не по-церковному. Так что, парень, будет смешно, если апостол Петр перед воротами рая отправит тебя левее по коридору просто потому, что ты не протянул длань помощи своему (бывшему) другу, когда он ожидал от тебя понимания и стакан водички.

А дальше Салим, не давая ему прийти в себя, говорит фразу, которая кому хочешь испортит настроение на ближайшую декаду лет:

— Поднимайся. Епископ ждет тебя.

Официально вводит в топ-5 фраз от которых НЕ Жал Ничего Хорошего. Сразу после «Нам надо серьезно поговорить» и «Говори, где моя АБЕНГЧ»

В ризнице свет не горит. Высокие узкие витражи заполняют помещение красными и синими пятнами: те расползаются по каменному полу, по поверхности дубового стола, аляписто застывают по верх черной сутаны на плечах Лестари, узким силуэтом замершего за плечом епископа — ни дать ни взять сторожевой доберман. Все такой же высокий, все такой же немой.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

